

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВАЛЕНТИН КОРОЛЬКО,

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины, ректор Киевской школы публик рилейшнз

ВИКТОР ТАНЧЕР,

доктор философских наук, заведующий отделом истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Глава IX. Основные направления современного социологического теоретизирования¹

Классические социологические концепции были сформулированы преимущественно в первой трети XX ст. Они явились попыткой систематизировать некоторые проблемы и противоречия общественного развития. Понятно, что со временем ответы на подобные вопросы теряют эвристическую ценность, поскольку общество непрерывно развивается, возникают новые противоречия, начинают действовать неведомые ранее силы и факторы. Этим и обусловлена потребность в социальной теории, адекватной современным социальным, политическим и экономическим реалиям. Ради этого переосмысливаются традиционные социологические направления, разрабатываются оригинальные подходы. Постепенно формируется новый, мультипарадигмальный образ теоретической социологии.

¹ Продолжаем публиковать главы учебного пособия по социологии, подготовленного ведущими учеными Института социологии НАН Украины, под общей редакцией доктора социологических наук С.А.Макеева. Начало см. в №№ 1-2,3, 4-5 и 6 за 1998 год.

§ 1. Неофункционализм

Ярчайшее воплощение позитивистской традиции — структурно-функциональный анализ — в послевоенный период оставался в американской социологии академическим эталоном. Он и в наше время продолжает оставаться центральным течением социологического теоретизирования. Трудно назвать другое такое направление в социологии второй половины XX ст., которое вызвало бы столько критики, возражений, идеологических обвинений, при этом оставаясь неизменно притягательным для коллег.

Все более или менее заметные направления социологической мысли последних десятилетий утверждались в научных кругах благодаря критике функционализма, идей Т.Парсонса. Как альтернатива последним выдвигались различные концептуальные положения, и только после этого обосновывалась собственная теоретическая позиция. Т.Парсонс, по удачному определению Дж.Тернера, превратился в своеобразный “жупел” социологической аналитики, а критика его стала неотъемлемым ритуалом утверждения в теоретической сфере. Постоянное место во всех научных дискуссиях, роль “точки отсчета” в развитии социологических знаний различных модификаций свидетельствуют о многом. Аналитический функционализм Т.Парсонса остается основополагающим в теоретической социологии США. Конечно, немногие полностью согласны со всеми положениями парсонсовской теории, но вряд ли кто-то станет отрицать его доминирующую роль в социологической дисциплине в последние десятилетия.

Влияние идей ведущего теоретика структурно-функционального анализа объясняется множеством причин. Прежде всего это соответствие основных положений данной парадигмы всеобщему духу общественного устройства послевоенной Америки, акцент на принципах системного научного подхода, опора на авторитет классических идей, призванных направлять исследовательскую активность на развитие и синтез идей Э.Дюркгейма, М.Вебера, В.Парето, П.Сорокина.

Т.Парсонс, как известно, стремился преодолеть односторонность как позитивизма, так и идеализма; интегрировать социологию, типологизацию с конструктивизмом, функционализмом; объединить метатеорию с предметно-обобщающим уровнем рассмотрения социальных процессов. Признанный метр социологического теоретизирования обосновывал необходимость системного подхода, аналитического реализма, принципов структурно-функционального анализа, таких ключевых понятий, как “социальное действие”, “схема переменных”, “социальная система”, “ценностно-нормативные ориентации”, “функциональная интеграция”, “дисфункциональное отклонение” и многих других средств концептуализации социальных явлений.

Современные сторонники аналитического, системного подхода, рассматривая социальные процессы, отмечают, что парсонсианство как теоретико-методологическая парадигма ни на йоту не утратила своей ценности. Более того, значительные успехи в развитии социологических знаний в 80-е годы наблюдаются именно в русле аналитико-функционалистской теоретической традиции. Три исходных тезиса обуславливают принадлежность к этой традиции:

- утверждение наличия внешнего, независимого от нас и нашего познания мира;
- присущие миру определенные вневременные, универсальные и постоянные свойства;
- а также то, что заданием социологической теории должно быть выявление этих обобщающих свойств и объяснение их действия.

Другими словами, это объяснение социальной реальности через познание ее объективных характеристик и функциональных связей, разработка системы естественнонаучных знаний. Большая часть социологической аналитики наших дней, по утверждению Дж.Тернера, остается как раз в плоскости такого подхода.

Акцент делается на обобщающем системном изучении общественной жизни, на том, как “действия людей организованы и систематизированы в определенной системе”, на месте в ней символической культуры, ее многогранном анализе. К сторонникам данного подхода можно отнести таких известных теоретиков, как Дж.Александр, С.Айзенштадт, Б.Барбер, П.Коломи, Н.Луман, Р.Мюнх, Н.Смелзер, Дж.Тернер и многих других.

Неофункционализм сегодня — это не только определенная совокупность концепций, методов или идеологий. Его теоретическая суть заключается в определении аналитических уровней — культурного, структурного и индивидуального, выделения систем и подсистем, идентификации нормативных процессов, социальной дифференциации, установлении взаимосвязи между “институциональными сферами”, потребностей и реквизитов социальной системы, необходимых для ее функционирования.

Непревзойденная ценность работ Т.Парсонса заключается в том, что высокий уровень теоретического абстрагирования, стремление к универсальности спекулятивных понятий и положений объединены в них с эффективным применением концептуальных положений, касающихся формирования специализированных социологических теорий. Огромный вклад в разработку теоретико-методологических основ так называемых “теорий среднего ранга”, развитие эмпирического функционализма внес ученик и соратник Т.Парсонса Роберт Мертон.

Плодотворность использования данного концептуального подхода наглядно проявляется в исследованиях институциональных форм современного общества, в частности форм экономических отношений, государственного устройства — его формы, правовой системы, исполнительной власти, бюрократии, политических организаций; моделей общественных объединений, гражданских прав как их основы; культурных институтов и среди них СМИ, искусства. Функционалистские исследовательские принципы остаются наиболее притягательными при рассмотрении этих сфер.

Последователи Т.Парсонса развивают его принципы аналитического реализма. Главной целью своих поисков Парсонс считал выяснение того, каким образом упорядочивается социальный мир, как он устроен. То есть, основная проблема формулировалась как проблема социального порядка, а по отношению к конкретному обществу — проблема его стабильного функционирования. Наряду с этим теоретики неофункционализма признают неизбежность различий между сконструированным социологом аналитическим порядком и существующей эмпирической действительностью. Явления социальной действительности могут сильно отличаться от допускаемых теоретически вследствие огромного количества факторов, принимающих участие в их формировании. Задача социолога — аналитически сконструировать всю систему координат действующих сил, смоделировать вероятное соотношение детерминант, учесть взаимодействие случайного и закономерного.

Именно в этом плане последователи Т.Парсонса отстаивают аналитический реализм в социологическом анализе. Суть его заключается в формулировании понятий, адекватно “схватывающих” моменты социального порядка. Понятия эти довольно абстрактны и не отражают каких-либо определенных явлений действительности, они лишь направлены на выявление в них аналитически обособленных элементов, имеющих универсальный характер. В русле аналитического реализма ставится задание отделить такие аналитические элементы от сложных, многозначных связей в социальных процессах, чтобы затем с их помощью строить общую социологическую теорию, способную отразить “системную природу социального мира”.

Стратегия построения социологической теории такова: конструировать ее из аналитических элементов, “очищенных” от конкретно-исторической формы, формулировать ее генерализирующие обобщения, то есть безотносительно опреде-

ленного исторического периода их проявления и особенностей эмпирических обстоятельств. Здесь предусматривается развитие веберовских “идеальных типов”, его принципов социологического теоретизирования. Вместе с тем эмпирическая конкретика отдается на откуп другим исследователям. Характеристики реального социального мира оставались за пределами интереса аналитика, что и явилось причиной постоянной критики положений Т.Парсонса, непонимания и невосприятия самого подхода.

Парсонсовское толкование “реализма” социологической теории все же нуждается в пояснении. Связь теории с реальностью основывается на идее “генерализирующей аналитической абстракции”. Подчеркивается различие между конкретно-эмпирической и аналитической действительностью. Это различие вытекает из неодинаковости опыта и процесса познания, так сказать, обычного деятеля и наблюдателя-аналитика, обуславливающей различные концептуальные подходы к социальным феноменам. Если первый, обычный деятель, руководствуется преимущественно здравым смыслом, то второй, наблюдатель-аналитик, отталкивается от сконструированных понятий, абстрагируясь от конкретного. При расчленении описываемой реальности на части и единицы устанавливается особая аналитическая действительность. Понятийное обособление аналитических категорий с целью объяснения конкретных явлений должно, согласно логике Т.Парсонса, привести к открытию конституирующих элементов (переменных, по его терминологии).

Отсюда можно сделать вывод, что парсонсовская концептуальная схема — это комплекс идей, ценностей, логических универсалий, то есть некая идеальная модель, которую социолог накладывает на разнообразные явления общественной жизни, пользуется ими в конкретных исследованиях различных сфер социальной жизни.

Неофункционалистский подход характеризуется высоким уровнем спекулятивности анализа. Предпочтение отдается абстрактным, а не обобщающим понятиям, полученным непосредственно из эмпирического материала, отсюда и акцент на первоочередности разработки системы социологических понятий. Такая система должна быть аналитическим аналогом, соответствующим реальности. Установив такое соответствие в духе аналитического реализма, можно формулировать общие теоретические положения. Основатель структурно-функционального анализа также ставил перед собой задачу преодолеть односторонность как позитивистского, так и идеалистического трактования социального действия, перекинуть мостик между общей теорией и предметно-теоретическими обобщениями, интегрировать социографию, идеальные типы, номологический подход, конструктивизм, позитивистский утилитаризм с идеалистической нормативностью социального жизненного мира и теорией культуры, выявить “базовые элементы” социальных систем.

Стратегия построения социологической теории Т.Парсонса и его последователей основывается на дедуктивном анализе, который корректируется эмпирическими исследованиями. Системной природе мира должна соответствовать социологическая теоретическая система, конструируемая аналитически. Такая стратегия носит ярко выраженный онтологический характер: социальный мир, наделенный свойствами системности, определяет систематизированный порядок абстрактных концепций, отражающих его.

Вместе с тем функционалисты не акцентируют внимание на непосредственном использовании абстрактных понятий в социологическом анализе, а только отстаивают необходимость их использования для развития “генерализирующей системы концепций”, начертания “когнитивной карты” набора категорий сверх-обобщающего синтезирующего уровня, то есть для аналитической системы, способной отразить существенные характеристики социального мира, не наполняя их эмпирической детализацией. Базовые элементы функционального анализа

связаны также с пониманием общества как “социального организма”, все составные части которого взаимодействуют, взаимозависят друг от друга и работают на поддержание его жизнеспособности.

В общем данный подход может быть воплощен в таких принципах:

- социальные системы состоят из взаимосвязанных частей;
- социальные системы сталкиваются с внешними и внутренними требованиями выживания;
- данные требования выживания можно представить в виде “потребностей” системы;
- социальные системы и их составные части можно объяснить, раскрывая участие отдельных составных частей в удовлетворении потребностей системы как целого.

Концептуальные идеи Т.Парсонса получили дальнейшее развитие в исследованиях современных неофункционалистов, отстаивающих первоочередность основных вопросов социологии как позитивной науки в контовско-дюргеймовском духе. В отличие от распространенного в 70–80-х годах интереса к проблемам интерпретативности и конвенциональности в обосновании социологических концепций и проблемам субъективности и ценности в социальной аналитике, они подчеркивают значимость общенаучных стандартов развития теории, ее фактологического обеспечения, точности формулировок, эмпирической проверяемости, методологической четкости, всего того, что, по их убеждениям, призвано способствовать объективности, научности теорий, кумулятивности социологических знаний, необходимому единству качественности (качественности) и количественности (количественному выражению) аналитической работы.

Отвечая на обрушивающуюся со всех сторон критику, сторонники позитивистской традиции отвергают обвинения в консерватизме. Социологи субъективно-гуманизаторских направлений якобы защищают еще более устаревшие догмы (Вольтера, Кондорсе, Бентама и др.), мало способствующие прогрессу социальных наук. И этнометодологи, и интеракционисты, и структуралисты принесут пользу этим наукам, только дополняя что-либо к общей синтезирующей модели, которая генерализирует и объясняет социальные процессы. В противном случае они будут походить на средневековых теологов, испугавшихся, что открытие Галилея угрожает человеческой душе.

Не должно быть непреодолимого разрыва между гуманитарными и естественнонаучными знаниями; барьеры между абстрактно-гуманистическим мета-теоретизированием и специализированными, фактологическими теориями будут размываться при условии качества последних. Именно в таком направлении последователи функционалистского подхода усматривают решение дилемм социологической дисциплины. Теоретическое развитие в свете неопозитивистской аргументации будет происходить при помощи специализированных и эмпирически проверяемых концепций. Оно станет возможным благодаря использованию пяти исследовательских процедур обогащения знаний: усовершенствования, углубления теоретических обобщений (*elaboration*), разрастания путем новообразований (*proliferation*), соревновательности, конкуренции между ними (*competition*), вариативности (*variation*) и интеграции (*integration*).

Исследовательские программы на основе неофункционалистских положений, “эмпирически ориентированная работа”, судя по выводам таких теоретиков, как Александер и Коломи, способствовали реконструированию функционалистской метатеории, ревизии ее ортодоксальных форм, а следовательно, и развитию общей теории. Можно утверждать, что современный неофункционализм заметно отличается от так называемого канонического структурно-функционализма Т.Парсонса и Р.Мертонса.

Неофункционализм — это реконструкция теоретической традиции, заложенной Т.Парсонсом, ее обновление и углубление. Упадок функционализма, предрекавшийся его критиками, очевидно, оказался преждевременной оценкой, подпитывавшейся скорее идеологическими установками и внутридисциплинарными распрями. Менее догматическая, открытая для учета взглядов оппонентов версия функционалистской теории, по мнению одного из ее лидеров Дж.Александера, еще обогатит социологическую науку. Тем более, что циклический, или маятниковый, путь ее развития обещает быстрое развитие неофункционалистских идей. При этом, правда, сразу же оговаривается, что речь идет не просто об оживлении парсонсовских идей, а об их серьезной ревизии, о постпарсонсиазме.

Неофункционализм, отмечают обозреватели развития социологической мысли, — по сути, единственное теоретическое направление 80-х годов, предложившее новые, свежие идеи. Более того, по словам Александера, неофункционализм является одним из свидетельств глубоких сдвигов в основах социологической дисциплины, и прежде всего продвижения к синтезу конфронтующих концепций, тенденций к интеграции микро- и макроподходов, стремления к разработке универсальной обобщающей теории. Именно неофункционализм ближе всех течений социологического теоретизирования подошел к образцу синтетического социологического знания, исходя из идей интеграции, выдвинутых в свое время Т.Парсонсом. Современная, третья фаза послевоенной социологии, по схеме Александера, характеризуется процессами интеграции, синтеза, выдвиганием на первый план теоретической логики (первая в 60-е годы отличалась “войной школ” и попыткой парсонсианского синтеза, вторая в 80-е годы — взаимной критикой и восхождением идей мультипарадигматизма, то есть сосуществования разных направлений). Итак, можно утверждать о возвращении к ранним идеям Т.Парсонса уже на уровне современных постановок теоретических проблем и достижений других школ в социологии.

Теоретики в рамках неофункционалистской традиции считаются ведущими в наблюдении за тенденциями к синтезу. Прогресс в социальных науках, судя по их аргументам, обусловлен не только накоплением эмпирических знаний и разнообразием концептуализаций общественной жизни, но и опорой на четкую теоретическую логику, прозрачные объясняющие модели и “генерализирующий дискурс”, в котором более других проявились последователи основателя функционализма. Они считают себя примером отхода от полемической односторонности (присущей конфликтологам и интеракционистам), продуктивного обособления универсальной обобщающей теории в социологии. Требование времени — новый реализм в понимании социальных процессов и синтетическая форма теоретизирования — наиболее полно отражены в работах сторонников неофункционализма. К тому же, вследствие краха марксизма именно этому направлению принадлежит ведущая роль в оживлении исторических, макрокультурных исследований.

Можно, вероятно, ожидать определенной конвергенции неофункционализма прежде всего со сторонниками теории конфликта, социального обмена, структурализма, интеракционизма, сетевого анализа, теории рационального выбора, социального экологизма и т.д. в направлении создания систематизированной социологической науки, которая будет освещать взаимодействие людей и общественную организацию в целом.

§ 2. Теория конфликта

Теория “социального конфликта”, конфликтологический подход, конфликтная традиция — все это свидетельства важнейшего направления развития социологической науки XX ст. В русле этой парадигмы появилось немало интересных концепций, ярких теоретиков и работ. Теория конфликта вышла на авансцену

современного социологического знания в 60–70-х годах, оттеснив традиционно влиятельные позитивистские течения, вызвав острую полемику в социологических кругах, стимулируя постановку ряда проблем развития социологической науки. Она и в наши дни занимает одно из ведущих мест среди направлений современной социологии.

По словам Дж.Александера, всю нынешнюю социологическую теорию можно грубо разделить на “функционалистскую” и “конфликтологическую”, причем не только в области общей теории, но и в специализированных сферах эмпирических исследований. Согласно аргументам другого авторитетного теоретика Р.Коллинза, в мировой социологической мысли прослеживаются три основные традиции: конфликтная (К.Маркс, М.Вебер, современные теоретики конфликта); позитивистская (О.Конт, Э.Дюркгейм, Т.Парсонс и другие исследователи “ритуалов общественной солидарности”), а также, несколько обособленно, микро-интеракционистская традиция (ассоциирующаяся со взглядами Ч.Кули, Дж.Мида, Г.Блумера, Г.Гарфинкеля и их последователей). При этом особо подчеркивается, что современная теория конфликта возникла как результат усилий по созданию “неидеологизированных версий марксизма”, перемещению центра тяжести в рамках последнего на положения многофакторной концепции “левого веберизма”.

По мнению сторонников этого направления, конфликтный подход имеет большие познавательные возможности, нежели классический марксизм, в изучении разнообразия путей и форм преобразования социальной реальности с помощью широкого спектра свойственных ей конфликтов.

Теория конфликта развивалась в русле “марксистской традиции” в социологии, существовавшей на Западе в академической науке (в том числе и близкие, родственные концепции “критической социологии”, “социологии социологии” и всего леворадикального критицизма в социальных науках, представленного такими именами, как А.Гоулднер, Н.Бирнбаум, Г.Маркузе, Э.Фромм, Ч.Р.Миллс и др.). Вместе с тем она постоянно модифицировалась под влиянием тезисов веберовской многофакторности в социальном анализе, деидеологизации и академической аналитичности. Конфликтный подход в социологическом познании дал возможность осветить, осмыслить и предложить решение многих актуальных проблем общественной жизни. Многочисленные исследования в области политической социологии, производственных, расовых и межнациональных отношений, социальной стратификации, форм коллективного поведения и пр., проводившиеся в ракурсе конфликтного подхода, явились подтверждениями его плодотворности и одновременно ограниченности других подходов, в которых игнорировалось значение проблем власти, распределения благ и противоречия интересов различных социальных групп и институтов.

Теория конфликта заявила о себе прежде всего как основная альтернатива позитивистского функционализма, “социологии порядка” противопоставлялась “социология конфликта”, а потому была провозглашена необходимость создания иной “ветви социологической теории”, более адекватно отражающей, по мнению ее последователей, социальную реальность. Вместе с тем теоретики конфликта обратились к многочисленным дилеммам социологического теоретизирования вообще, и в первую очередь к проблемам социальных изменений, дифференциации, социальной активности, идейно-ценностных детерминант общественного развития.

Первоначальное теоретическое оформление современного конфликтологического подхода получил в работах американского социолога Л.Козера “Функции социального конфликта” (1956 г.), немецкого исследователя Р.Дарендорфа “Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе” (1959 г.), британца Дж.Рекса “Ключевые проблемы социологической теории” (1961 г.) и “Социальный конфликт” (1981 г.). К активно работающим теоретикам данного направления можно

причислить Р.Коллинза и Ю.Хабермаса, концептуальные построения которых имеют конфликтологические корни.

При общей склонности к конфликтному ракурсу рассмотрения общественных явлений каждый из них обосновывает собственную концепцию. У Л.Козера это конфликтная альтернатива функционализму в его, так сказать, рамках, “изнутри” функционального анализа, с использованием идей Г.Зиммеля и Э.Фрейда. У Р.Дарендорфа концептуальный подход строится на положениях теорий К.Маркса и М.Вебера с акцентом на пересмотре марксовыx взглядов на природу социальных конфликтов в послевоенном западном обществе. У Дж.Рекса теория конфликта подается как теоретико-методологические основы “реального исторического анализа”.

Конфликтологические теории формировались под влиянием целого ряда историко-культурных и идеологических факторов 60–70-х годов. Их проводники группировались вокруг невосприятия функционалистских теоретико-методологических установок, критики неопозитивистских постулатов. Как справедливо отмечалось, теоретические усилия направлялись не “во имя”, а “от противного”, в роли которого выступал академический структурно-функциональный анализ.

Итак, теории конфликта формировались в силовом поле идеологического невосприятия функционализма. Их сторонники подвергали сомнению слишком оптимистическое представление социальных отношений. Они не находили больших возможностей для реализации доминирующих в послевоенный период на Западе идей рационализма и либерализма в существующих общественных структурах. Гораздо ближе им были взгляды Ч.Р.Миллса, который в известной работе “Правящая элита” с позиций радикалистского популизма развенчивал консервативную атмосферу американского образа жизни.

Неоспоримой представляется также связь конфликтологического теоретизирования с европейской социально-философской мыслью левого толка. Все ведущие теории конфликтологии так или иначе были причастны к социалистическому или рабочему движению в Западной Европе. На воинствующем антифункционализме отразился также и фактор столкновения европейской и американской историко-культурной традиций. (В частности, европейское акцентирование на гражданском, политизированном характере социологии и американское подчеркивание личностного характера научных взглядов, академической отстраненности социологической дисциплины.)

Конфликтология с целью “вдохновить политический радикализм” не только зарождалась и завоевывала сторонников среди социологов, но и сама подпитывалась идеями демократизма, лозунгами социального равенства, защиты угнетенных и эксплуатируемых и, наконец, идеями социального переустройства современного общества.

Согласно определению одного из основателей теории конфликта Дж.Рекса, “конфликт интересов и целей находится в центре модели общественной системы как целого”. Отсюда вытекает ключевое задание социологического анализа: обоснование исходной, базовой составляющей конфликтной ситуации.

Социологи, прежде всего в США, стали широко использовать такую модель в эмпирических специализированных исследованиях. Так, по свидетельству Дж.Александера, в течение более трех десятилетий с момента первых проявлений конфликтологии она имела огромное влияние на прикладную социологию, “репродуцируя конфликтное видение во многих эмпирических сферах”, предлагая новые толкования социальных явлений с учетом их противоречивости, амбивалентности или волюнтаристски создаваемого противостояния сторон. Хотя при этом для него не оставалась незамеченной и некоторая ограниченность конфликтного подхода, в частности в объяснении гражданской солидарности, “чувства общности”, проблемы сознания и нравственного контроля, логические несогласованности. К тому же политическая система западного общества второй поло-

вины XX ст. приняла довольно дифференцированные и плюралистические черты, что открывало возможность для включения целей различных групп в общие задачи социального управления, для заметной гармонизации общественных противоречий. Это также отразилось на эволюции конфликтологических концепций.

Может сложиться впечатление, что в ракурсе данной концепции изучаются только драматические события общественной жизни, например революции, войны, массовые движения и т.д. В действительности же такие очевидные проявления борьбы — лишь меньшая часть конфликтности, которой пронизана вся социальная действительность. Социальные образования характеризуются процессами доминанции и подчиненности интересов различных частей системы, социальных групп и индивидов. Общество интересует конфликтологов не из-за конфликтных явлений, наблюдающихся в нем, а тем, что происходит, когда конфликтность не вырывается наружу. В плоскости этой парадигмы ставится задание объяснить: каким образом данный социальный порядок складывается из стремлений имеющих в нем общественных слоев, групп и индивидов реализовать свои интересы в соперничестве с другими? Согласно теории конфликта, в обществе всегда ведется борьба за достижение различных целей, за успех и первенство, независимо от того, наблюдается открытая борьба интересов или нет.

Термин “конфликт” в этом понимании несколько метафоричен. Сферой конфликтологии представляется противоречивость общественной жизни вообще, разнообразие интересов и целей общественной деятельности. Не стоит толковать его буквально. Речь идет не только о теории собственно конфликтов, но и гораздо шире — о теории общественной организации, модели социального поведения, групповой мотивации, объяснении имеющих социальные структуры, причинах их изменений.

Современная теория конфликта восприняла немало положений марксизма, дополнив новые его интерпретации идеями, изложенными в работах Г.Зиммеля, М.Вебера, Р.Михельса и В.Парето. Заметим, что в различных версиях конфликтологии существенным остается различие в понимании природы социальных конфликтов. В частности, если К.Маркс акцентировал внимание на антагонистическом характере социальных конфликтов, их экономическом фундаменте, то Г.Зиммель исходил из присущих людям “инстинктов борьбы” и указывал на интегративные последствия конфликтов. М.Вебер предлагал чисто социологический подход многофакторной теории социальной стратификации, делая ударение на роли идейно-культурных факторов.

В современной конфликтологической теории используются разные схемы причин и факторов конфликтности, причем нередко выделяют две их ветви: диалектическую теорию конфликта, коренящуюся в марксовских концепциях, и конфликтный функционализм, вдохновляемый зиммелевскими идеями с акцентом либо на революционных, либо на эволюционно-реформистских средствах разрешения конфликтных явлений. Однако сформулированные исходные тезисы, являющиеся основой конфликтного подхода, сводятся к следующим положениям:

- во всех социальных системах можно встретить неравномерное распределение количественно ограниченных ценных ресурсов;
- неравенство закономерно и неизбежно порождает конфликты интересов различных частей системы;
- подобные конфликты интересов рано или поздно вызовут открытое столкновение между владеющими ценными ресурсами и теми, кто их не имеет;
- эти конфликты потребуют реорганизации социальной системы, создавая новые разновидности неравенства, что, в свою очередь, послужит толчком для новых конфликтов и изменений, и т.д.

Разработана своеобразная конфликтологическая “универсальная модель” социальной структуры и социальных отношений, где власть и собственность,

господство и борьба являются существеннейшими чертами (Дж.Рекс, Р.Коллинз, Л.Крайсберг). Самым большим вкладом в социологическое теоретизирование наших дней считается: конфликтное понимание социального порядка, общественных отношений людей; конфликтное видение общественных институтов; анализ конфликтных процессов — их причин, факторов, интенсивности, длительности и, наконец, социальных функций; роль конфликтов в социальной динамике, общественно-историческом развитии. Наиболее выразительно конфликтный подход проявился в таких сферах, как конфронтация классовых культур, половых и возрастных групп, борьба в производственных сферах и торговле, наконец, в межнациональных напряженностях и геополитическом противостоянии. В конфликтологической плоскости прослеживается основная тенденция трансформации конфликтных соревнований от классовых и межнациональных противоборств (или экономико-политических) в сферу культурных моделей жизнедеятельности, нравственно-ценностных предпочтений, в область “коммуникационного действия” (или в духовный мир).

Заметный след в истории социологической мысли сторонники теории конфликта оставили своей критикой недостатков позитивистской социологии, особенно концептуальных построений Т.Парсонса. Конфликтное видение социальной жизни побудило их к новым исследованиям форм социальной организации, власти, производства, бюрократии, средств массовой коммуникации, к широкому привлечению в социологический анализ таких понятий, как господство, неравенство, напряженность, групповая борьба, конкуренция и т.д.

Эволюционируя путем преодоления “методологического индивидуализма”, свойственного микроуровневым, психологическим толкованиям, конфликтная теория сосредоточила внимание в основном на анализе макромасштабных социальных объектов, где субъектами конфликтных отношений выступают общности, общественные институты, партии, корпорации, нации, государства.

Изменилась и роль сторонников этого подхода в рамках дисциплины — они уже не только главный оппонент функционализма, доминировавшего до сих пор, но и равноправный партнер, составная часть “ведущего потока” социологического теоретизирования.

Конфликтологи уже не столько критики, как участники творческого диалога, причастные к решению актуальных дилемм социального познания. Лидеры этого влиятельного течения в современной социологической теории (Р.Коллинз, Л.Крайсберг, М.Манн и другие) не отрицают того, что первоначальные тезисы конфликтологии были дополнены новыми важными аргументами с привлечением эмпирических доказательств из новых исследовательских сфер, что способствовало обновлению конфликтной парадигмы.

Изменился и идеологический контекст конфликтного подхода. Лишился почвы идейный антагонизм двух основных течений в социологии — функционализма и конфликтологии. Расширение демократических свобод, развитие гражданских институтов, крепнущий рационализм и оптимизм западного мира конца XX столетия вымывают почву из-под ног защитников марксистских пророчеств разрешения социальных противоречий. Усилились и другие институциональные факторы, повлиявшие на общественные конфликты. В их анализе акценты из публичных, политизированных сфер переместились в академические, теоретико-познавательные плоскости.

§ 3. Неомарксизм

Стремление пересмотреть и дополнить классическую марксистскую теорию, приспособить ее к новым явлениям общественной жизни наблюдается еще с 20-х годов XX ст. Подобные попытки в социальной науке получили название “неомарксизм”. Его основателями считаются Д.Лукач, К.Корш, А.Грамши. Именно

их теоретические разработки положили начало “диалектико-гуманистическому”, или, как его еще называют на Западе, “критическому” направлению в марксистской мысли. К этому направлению, апеллирующему преимущественно к ранним работам К.Маркса, к проблемам отчуждения принадлежат теоретики Франкфуртской школы (Б.Беньямин, Ю.Хабермас), связанные с этой школой марксисты (В.Райх, Г.Маркузе, Э.Фромм), марксисты-экзистенциалисты (Ж.-П.Сартр, М.Мерло-Понти), представители феноменологического марксизма (Э.Пачи, П.Пиконе), группа “Праксис” и многие другие.

Другое направление в неомарксизме представлено “марксистами-сциентистами”. Его сторонники считают марксистское учение недостаточно научным. Неомарксисты-сциентисты, как правило, апеллируют к экономическим трудам зрелого Маркса, его материалистической гносеологии и анализу социальных классов. Среди представителей данного направления следует назвать Л.Альтюссера и его последователей, а также течение аналитического марксизма (которое еще называют “академическим марксизмом”), сторонники которого стремятся переформулировать категории исторического материализма, основываясь на методах современной науки: моделировании, функциональном подходе, теории игры, структуризации, модальной логике и т.д. Представителями этого течения являются социальный философ Л.Коэн, социологи Дж.Элстер и Дж.Ремер и др.

Помимо них есть целая плеяда неомарксистов, не укладывающихся в рамки двух названных выше направлений. Это те, кто сориентирован на исследование проблем “третьего мира”, анализ капитализма как мировой системы, изучение вопросов феминизма и пр. Западные неомарксисты, несмотря на свое критическое отношение к революционной доктрине Маркса, тем не менее отмечают, что история развития марксистской теории отмечена неоднократными предостережениями ее неизбежного краха. Однако после очередного смертного приговора она возрождалась в обновленном виде. Только в последние 30–40 лет популярность марксизма на Западе пережила несколько взлетов. В 60-е годы это было связано с развитием движения протеста и интересом идеологов “новых левых” к марксизму. В 70–80-е годы дух “шестидесятых” вместе с возмужавшими участниками “бунта молодежи”, успевшими к этому времени получить высокие научные звания, вызвал еще один взлет неомарксизма, получивший название “академической марксистской субкультуры”. Последняя по времени модификация связана с попытками разрешения новых проблем постиндустриального и информационного общества. Итак, марксизм привлекал и, вероятно, будет привлекать к себе внимание, как только возникнет необходимость теоретической систематизации и объяснения новых явлений и процессов общественной жизни. Конечно, тут не имеется в виду примитивизированное “марксистско-ленинское” учение, господствовавшее в Восточной Европе во времена “социализма”. В данном случае речь идет о марксистски ориентированной традиции теоретизирования, отличающейся плюралистичностью и использующей разнообразные методы и подходы.

Так, столкнувшись с новыми формами господства человека над человеком, особенно с практикой манипулирования сознанием и поведением людей, распространявшейся на основе открывшихся благодаря научно-техническому прогрессу и усиливающейся рационализации общественной жизни возможностей, представители Франкфуртской школы поставили под сомнение допущение Маркса о том, что рационализация общества на базе использования науки ведет к созданию предпосылок эмансипации человека и общества. Однако критика марксизма в данном случае носила опосредованный характер. Основываясь на взглядах М.Вебера относительно взаимосвязи рационализации и бюрократизации, теоретики Франкфуртской школы, начиная с Хоркхаймера и Адорно, усматривали причины антигуманного, репрессивного характера развития рационализации и использования достижений научно-технического прогресса не в капитализме как таковом, а в типе культуры европейской цивилизации и свойственной ей рациональности.

Поэтому не капитализму или социализму как формам социально-экономического уклада жизни, а рационализму как свойству культуры Запада присущ репрессивный характер сознания и стремление к тоталитарному господству.

Антисоциальная суть такого стремления к тотальности была ярко представлена в концепции “одномерного общества” и “одномерного человека” Г.Маркузе. Рисуя картины “одномерного общества”, показывая процессы интеграции рабочего класса в существующую систему, процессы формирования общества “без оппозиции”, Маркузе, в отличие от многих своих коллег по Франкфуртской школе, не отказывается от присущей марксизму идеи эмансипации. В отличие от Маркса, Маркузе считал, что субъектом революционной инициативы является не рабочий класс, а “аутсайдеры”: безработные, студенчество, национальные меньшинства и другие маргинальные слои населения, не поддавшиеся рационализму западной культуры, не интегрированные в систему. Они, по мнению Маркузе, являются примером диалектического преодоления рационализма западного типа культуры, отрицания сознания и психологии “*Homo faber*”, свидетельством “Глобального отказа” и от капитализма, и от социализма, извращенных тоталитарной системой власти.

Представители сциентистского неомарксизма предлагают реформировать другие аспекты марксистской теории. Л.Альтюссер, например, настаивает на пересмотре идей позднего Маркса, особенно связанных с анализом капиталистического способа производства. Он предлагает отойти от “монизма”, “экономического детерминизма” и эволюционного “историзма” Маркса и перейти на позиции плюралистического подхода к выяснению причин кризисов и революций. “Революционные взрывы”, по мнению Альтюссера, коренятся не в противоречиях капиталистического способа производства, а являются следствием накопления огромного количества гетерогенных по своей природе противоречий, результатом стечения различных обстоятельств. Развитие общества — это не последовательный или линейный процесс. А раз так, то выясняя причины кризисов и революций, следует сосредоточиться не на исследовании долгодействующих исторических процессов, а на анализе “текущего момента”.

Альтюссер предлагает также пересмотреть фундаментальные положения Маркса о диалектике взаимодействия базиса и надстройки общества. Он считает, что марксистский тезис об определяющем влиянии “господствующей экономической структуры” (базиса) на “политическую надстройку” и “относительной самостоятельности надстройки” страдает грубым детерминизмом. Он, в частности, убежден, что государство не следует воспринимать как пассивное отражение господствующего в обществе способа производства, как орудие деспотического господства какого-либо класса, скажем, буржуазии. Благодаря возрастающей роли в регулировании экономических процессов государство само в состоянии определять способ производства. Исходя из этого, неомарксисты-аналитики, в частности Коэн, Элстер и Ремер, вообще считают, что государство оказывает гораздо большее по сравнению с экономическим базисом влияние при выборе модели социального развития общества. Материальные (базисные) факторы обуславливают лишь общие возможности общественного развития. А политическая надстройка, государство не только определяют цель и средства развития общества, но и могут радикально изменять способ производства.

По мнению Альтюссера и его сторонников, нужно по-новому посмотреть и на само государство как орудие защиты интересов господствующего класса, и на формы собственности, носителем которых выступает этот класс. Развитие демократии, политический плюрализм, фракционная борьба в законодательных структурах власти по вопросам роли и функций государства в обществе вносят раскол в существующие коалиции, приводят к созданию новых политических союзов и блоков. А эти новые блоки не всегда выражают и защищают интересы господствующего в экономике класса.

В приведенных выше положениях неомарксистов действительно схвачены новые явления, наблюдающиеся в современном обществе. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к опыту Англии, Франции, других демократических стран Запада, в которых в зависимости от прихода к власти в результате выборов буржуазных или социал-демократических партий происходят существенные структурные изменения в экономике и формах собственности (к примеру, национализация и денационализация). Подтверждением такого рода процессов можно считать и события, произошедшие в Восточной Европе, в том числе и в Украине. В самом деле, в этих странах мы наблюдаем ныне процесс изменения способа производства, переход к рыночным отношениям, инициированный политической надстройкой.

Современные неомарксисты уточняют и марксистское толкование материальных истоков социально-политических кризисов в обществе, а также понимание способов их преодоления. Ю.Хабермас, например, считает, что усиление роли государства в регулировании экономических процессов, в планировании производства и распределении материальных благ существенно изменило экономические закономерности развития капитализма, избавив его от острых экономических кризисов. В политическом плане эти сдвиги позволяют государству достигать классового компромисса в обществе в рамках действующих буржуазно-демократических структур. Отсюда делается вывод, что источники кризисов и способы их преодоления переместились из сферы экономики и острой классовой борьбы в административно-управленческую сферу.

Ю.Хабермас считает, что существенные изменения коснулись и природы политических кризисов. Причины этих кризисов коренятся ныне в основном не в сфере экономики, а в социокультурной сфере. В основе кризисов — конфликт между системой управления, опирающейся на принципы производственно-трудовой рациональности, и реально существующими в обществе мотивами поведения людей. Таким образом, речь идет о конфликте между инструментальным (ориентированным на достижение экономических результатов) и коммуникативным поведением, ориентированным на достижение взаимопонимания между людьми. Исходя из созданной им теории коммуникативного поведения, Хабермас пытается обрисовать такие структуры общества, которые не приняли институционального оформления и существуют как непроизвольно складывающийся “жизненный мир”, в отличие от институциональной “системы”. Именно такое “коммуникативное поведение”, положенное в основу “жизненного мира”, дает возможность достичь взаимопонимания в обществе, наладить диалог для разрешения политических кризисов тогда, когда уже бессильны что-либо сделать официальные институциональные структуры.

На пересмотре экономических основ марксистской концепции кризиса настаивают также С.Боултс и Г.Гинтис. В противовес Хабермасу, они исходят из того, что главным социальным противоречием капитализма второй половины XX столетия является конфликт между социальными и гражданскими правами личности, с одной стороны, и правами человека как собственника, с другой. Чрезмерное усиление защиты социальных и гражданских прав человека в 60–70-х годах (распространение доктрины “общества благоденствия”) привело к падению уровня прибылей в сфере предпринимательской деятельности и уменьшению темпов экономического развития в середине 70-х годов. Это вызвало новую консервативную волну на Западе, мобилизовало усилия защитников интересов капитала и активизировало действие право-политических сил в обществе. Свидетельством этого стали “рейганомика” и “тетчеризм” 80-х годов — политика, направленная на резкое сокращение социальных затрат и активизацию свободной предпринимательской деятельности.

Боултс и Гинтис доказывают, что ориентация марксистов на защиту социальных прав должна иметь разумные пределы. Придерживаясь идеей эмансипации и

социальной справедливости и соглашаясь в этом с Марксом, они, тем не менее, пытаются пригасить запал борцов, стремящихся любой ценой достичь обеспечения социальных прав. Такое стремление не учитывает ни задач новых социальных движений, направленных на нематериальные ценности, ни главного социального противоречия западного общества: противоречия между чрезмерной защитой социальных прав и эффективностью капиталистического производства. Поэтому, считают они, символом широчайшей гаммы сторонников идей эмансипации должен стать либерализм.

Боултс и Гинтис призывают к новому теоретическому дискурсу, который бы объединил марксизм с либерализмом и привел к “постлиберальной демократии”. Правда, они по-прежнему убеждены, что именно в сфере экономики сталкиваются права человека как гражданина и как собственника. А раз так, то “постлиберальная демократия” обязана предусматривать общественное регулирование. Имеется в виду прежде всего демократическое планирование его развития, общественный контроль за территориальным размещением частных средств производства, за их использованием, а в случае необходимости — и их национализация.

На необходимость нового типа демократии указывает и американский неомарксист Э.Райт. Он согласен с тем, что рабочие все еще остаются самым многочисленным классом общества. Однако в обществе происходит глубокая дифференциация классовой структуры, наблюдается разрастание прослоек, характеризующихся противоречивостью своего положения (прослойка менеджеров и бюрократов, например, одновременно являющихся эксплуататорами и эксплуатируемыми). Вследствие своей многочисленности и противоречивости социального положения, эти прослойки способны оказывать существенное влияние на процесс формирования и политический характер классовых союзов. В частности, политические коалиции нередко обусловлены конкретными обстоятельствами, опытом политической культуры их участников. Поэтому линию поведения, ориентации участников союзов невозможно вывести на основе одного лишь определения их экономических интересов. Поэтому, утверждает Райт, образование классовых союзов, направленных на разрешение задач эмансипации, должно ныне базироваться на другой основе, а борьба за социализм немислива без развития “радикальной демократии”. Он настаивает на переориентации политики марксистов на нематериальную сферу и сосредоточение их внимания на решении культурных задач, затрагивающих интересы не только рабочего класса, а всех остальных пограничных прослоек общества. В противном случае политика социалистов не принесет успеха, они останутся в изоляции.

Французские неомарксисты Э.Лаклю и Ш.Муфф пытаются выяснить, обязательна ли зависимость между положением, занимаемым в производственной сфере общества тем или иным классом, и его объективными эмансипационными возможностями. Их ответ отрицательный, доказывающий тем самым, что подобной зависимости ныне не существует. На этом основании Лаклю и Муфф приходят к выводу о необходимости создания новой теории эмансипации, учитывающей новые социальные и культурные явления, процессы расслоения рабочего класса, возникновение маргинальных прослоек и новых социальных движений. Настаивая на том, что сегодня трудно выделить определенный класс как ведущую силу эмансипации общества, Лаклю и Муфф призывают создавать транссоциально-классовые радикально-демократические коалиции из представителей различных классов, маргинальных групп, которых объединяет более широкая система демократических ценностей. Причем такие транссоциальные блоки должны быть свободны от всякого руководства со стороны одного класса или партии.

Критикуя подобные инновации левых теоретиков, ряд современных ортодоксально мыслящих марксистов, в том числе и Эллен Вуд, приходят к выводу о том, что их теоретические изыскания не только порывают с классовым подходом к

проблеме эмансипации, но и вообще пренебрегают попыткой определить те социальные прослойки общества, которые нуждаются в эмансипации. Будучи сторонницей ортодоксального марксизма, Вуд считает, что именно рабочий класс остается силой, отражающей потребности всеобщего социального освобождения. Учитывая это, социалистическая политика должна, как и прежде, опираться на рабочий класс и отстаивать его интересы. По ее мнению, такая политика на почве “радикальной демократической коалиции” не приведет к успеху, поскольку каждый отдельный класс общества, разделенного на антагонистические классы, преследует собственные интересы.

Отметим, что ортодоксальная марксистская позиция встречается на Западе не так уж часто. Ее считают последним форпостом полемического сопротивления устаревшей классовой политике, лишившейся исторической почвы. Она не выдерживает проверки современными фактами, не учитывает процессов дальнейшей сегментации, дифференциации и фрагментации рабочего класса. В методологическом плане она расходится и с самим марксизмом. Ведь сила Маркса заключалась в том, что его теория опиралась на реальную историческую почву. Поэтому аргументация сторонников ортодоксального марксизма, не принимающих во внимание новые явления и процессы общественной жизни, превращается в идеализм, против которого решительно выступал сам К.Маркс.

Исторический материализм, исторический метод критики капитализма снова и снова привлекает внимание теоретиков, и прежде всего представителей постмодернизма. Связанный с попыткой осмыслить новые тенденции развития информационного общества постмодернизм, подобно другим течениям теоретической мысли, обращается сегодня к марксистской методологии анализа капитализма, имеющей огромный эвристический потенциал, предоставляя возможность не только обобщить новые процессы и явления, но и показать вероятную цену тех нежелательных последствий, которую придется заплатить обществу.

§ 4. Постмодернизм

Глубокие сдвиги в жизни развитых стран Запады обусловили возникновение в социальной теории новых направлений, имеющих целью осмыслить и объяснить явления и процессы последних десятилетий. Среди этих направлений заметное место занимает постмодернизм. И хотя само понятие “постмодернизм” употребилось намного раньше (первое упоминание относится к 1917 г.), действительный интерес к проблеме постмодернизма в социальной теории сложился, начиная с 60-х годов. Со временем, особенно в 80-е годы, среди сторонников постмодернизма, представляющих различные отрасли гуманитарного знания, предпринимаются попытки дать его теоретическое определение.

Однако до последнего времени не существует общепринятого представления о том, что такое постмодерность как социальное явление, чем она отличается от модерности. Терминологически постмодерность (postmodernity) буквально означает то, что идет “после” модерности (modernity). Проблем нет, если имеется четкое представление о “модерности”. Однако ясности тут нет. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой “модерность” — это Новое время, связанное с эпохой индустриального капитализма, пришедшего на смену Средним векам или феодализму. Сами процессы, с помощью которых зарождается новый индустриальный мир капитализма, представляются как модернизация, для которой характерны преодоление традиционности, развитие новаций и динамизм. Иной смысл вкладывают в понятие “модерность” теоретики искусства и культуры. Для них модерность означает движение и развитие новых форм искусства: авангардизма, экспрессионизма, сюрреализма и т.д. Итак, согласно первой точке зрения, все новое, возникающее в жизни людей после эпохи индустриального

общества — это “постмодерность”. Согласно второй, “постмодернизм” — это все, возникающее после наступления Нового времени в формах искусства.

Сложилась различные взгляды на процесс перехода от модерности к постмодерности, на проблему преемственности нового и современного периодов. Для большинства сторонников концепции постмодерности сам термин “пост” означает резкую грань, даже разрыв между общественными явлениями нового и новейшего времен, решительный отказ от прошлого. Однако такое понимание связи прошлого (модерности) и настоящего (постмодерности), стремление воздвигнуть между ними “китайскую стену” вызывает возражения. Несмотря на все различия прошлого и настоящего, между ними существует определенная последовательность событий, постепенная смена, и, естественно, определенная историческая преемственность. Именно такой точки зрения придерживаются те исследователи, которые термин “пост” используют для периодизации истории, для выявления особенностей определенного исторического периода, кто рассматривает постмодерность как “интенсификацию модерности”, “гипермодерность” или “новый облик модерности”.

Иногда приставку “пост” понимают как отрицание и эпохи, и практики модерности. Однако в данном случае все зависит от того, о преодолении каких традиционных явлений в жизни прошлого общества идет речь. Если согласиться, что эпоха постмодерности знаменует освобождение от старых условий деспотизма и утверждение новых форм развития общества, продвижения к новым горизонтам социального прогресса, то, разумеется, можно говорить о положительном отрицании старого. Но отрицание прошлого может нести с собой и отрицательные моменты, если приводит к утрате таких важнейших традиционных ценностей, как стабильность, уверенность, определенность и пр.

На эти обстоятельства обратил внимание А.Тойнби. В последних томах своего фундаментального труда “Постижение истории” (1934–1954) он утверждает, что западная цивилизация в конце прошлого столетия вступила в новый переходный период, названный им “постсовременным веком”, представляющий собой решительный разрыв с предыдущим “современным веком”, с его войнами, социальной неразберихой и революциями. По мнению Тойнби, это было время “анархии” и “тотального релятивизма”. Но в то же время этот период он характеризовал и положительными чертами как эру среднего класса, буржуазии, как время, отмеченное рационализмом и прогрессом. Поэтому постмодернистский период Тойнби рассматривал не только как положительное преодоление прошлого, но и как “Время тревог”, символизирующееся коллапсом рационализма и этоса Просветительства.

Истоками и первыми концептуальными построениями постмодернизм обязан прежде всего историкам и ориентированным на изучение социально-исторических процессов социологам. Среди них, помимо А.Тойнби, следует назвать Д.Барраклоу, Ч.Миллса, А.Этциони, Д.Белла и др. Всем им присуща попытка описать расхождения между временем модерности и временем постмодерности, показать то радикально новое, что появилось в жизни постсовременного общества.

Д.Барраклоу, например, начиная свою работу “Введение к современной истории” с заявления о том, что мир, в котором мы сегодня живем, “полностью отличается от времен Бисмарка”, приходит к выводу, что постсовременное общество появилось в результате революционных изменений в науке и технологии, вследствие возникновения новой разновидности империализма, встретившей отпор со стороны стран третьего мира; благодаря переходу от принципов индивидуализма к массовому обществу, а также благодаря “новому мировоззрению” и новым формам культуры. Осмысление основополагающих структурных расхождений между “старым” и “новым” миром требует “новых подходов”, отказа от теорий, отстаивавших идею непрерывности исторического развития.

Ч.Миллс типичнейшей чертой современности считает усиление рационализма. В известной работе “Социологическое воображение” он показывает, как все более усиливающаяся рационализация общества урезает свободу человека, как люди превращаются в “веселых роботов”, с радостью готовых надеть оковы. Он высказывает глубокую обеспокоенность по поводу того, что “наши основоположные определения общества и личности подвергаются новым испытаниям” и, чтобы “постичь новую эпоху, к которой мы движемся, необходима концептуализация изменений, свидетелями которых мы являемся”.

По мнению А.Этциони, другого американского социолога, начало постсовременному периоду положило внедрение в послевоенные годы новых видов коммуникации, информатики, технологии и т.д. В будущем эти новации либо приведут к гибели, либо принесут спасение обществу. Этциони является сторонником “активного общества” и убежден, что технологическое развитие будет подчинено интересам человека, задачам разрешения всех социальных проблем. Оптимизм Этциони отличает его от большинства современников с присущим им пессимистическим видением постсовременного будущего.

Свой вклад в концептуализацию постмодернистских построений вносит и Д.Белл — автор теории “постиндустриального общества”. В своей книге “Культурные противоречия капитализма” он, в частности, пишет: “Мы приближаемся к водоразделу в развитии западного общества: мы являемся свидетелями конца буржуазной идеи, лежавшей в основе поведения людей, социальных отношений, прежде всего экономических, и формировавшей эру модернизма на протяжении последних 200 лет”. Постмодернистскую эру Белл представляет как неудержимое проявление инстинктов, импульсивности и стремлений, проявившихся в контркультуре 60-х годов. Контркультура, считает он, дала начало распространению бунтарской, антибуржуазной, противоречивой и гедонистической импульсивности, вызвала нарциссизм и пренебрежительное отношение человека к борьбе за социальный статус, за достижение собственного успеха. Время постмодерна, по Беллу, — это следствие распространения модернистского “бунтарства” в культуре на повседневную жизнь общества, развитие бунтарского, гипериндивидуалистического, потребительского и гедонистического стиля жизни, подрывающего традиционные ценности капитализма и порождающего его “культурные противоречия”. Белл характеризует современное ему общество как радикальное разъединение экономической, политической и культурной сфер, каждая из которых структурируется на различных принципах, пребывающих в неизбежном конфликте. Противопоставить этому постмодернистскому разложению общественности, отмечает Белл, можно лишь возрождение религиозных ценностей.

Итак, в приведенных дискурсах постмодерности 60–70-х годов по-разному понимается смысл изменений в обществе. Однако все они отражают кризис западной цивилизации как следствие резкого разрыва с ценностями времен модерности, с ценностями капитализма индустриального века. Такого же мнения придерживаются и многие теоретики постмодерности 80-х годов.

Так, французский социолог и философ Ж.Бодрийяр отмечает, что индустриальная модерность исчерпала себя: исчезают традиционные разновидности труда, производства, торговли, отходят в прошлое линейное накопление знаний и символы, доминировавшие почти столетие. Если модерность, говорит Бодрийяр, характеризовалась массовым производством потребительских товаров, индустриализацией, развитием рынков, то постмодернистское общество отличают новые формы технологий, развитие моделирования, создание средствами массовой коммуникации “гиперреальности” и разного рода имиджей, разрушающих все региональные границы, противоречия между высокой и низкой культурой, иллюзиями и реальностью. Этот процесс “постмодернизации” означает конец всех положительных выводов, на которых зиждилась социальная теория. Одним

словом, Бодрийяр характеризует постмодерность как “катастрофу” модерности, как радикальное качественное изменение системы в целом.

Самым существенным моментом постмодернистских концептуализаций 80-х годов явились попытки теоретической разработки проблем постмодерности, эпистемологии, решения общих методологических вопросов социального познания. Для представителей постмодерности типичны критика традиционной социальной теории, стремление представить парадигмы классической философии и социологии, категориальный аппарат, используемые ими как непригодные для изображения и понимания “сцены” постмодернистского общества. Развитие новых форм знаний, разработка новых “правил игры” в науке и искусстве способствует возникновению “ситуации постмодерности”. Такую интерпретацию истоков постмодерности дает, в частности, французский социолог Жан-Франсуа Лиотар.

В работе “Ситуация постмодерна” он предлагает заменить традиционные философские и социологические исследования, зараженные западным рационализмом и инструментализмом, своим вариантом постмодернистской эпистемологии. По Лиотару, постмодерность точнее всего определить как “недоверие к метатеориям” и одновременно ко всяческим формам обобщающего мышления — гегельянству, либерализму, марксизму, структурализму и т.д. Приемлемыми признаются те разновидности нового знания, которые “очищают нашу чувствительность к различиям и усиливают нашу способность терпимо относиться к фрагментарному”. Фатальным недостатком общих социальных теорий является то, что в их “унифицированных схемах” содержатся оправдание насилия, ностальгия по тотальности и единству, устранении разнообразия и специфичности. “Мы, — пишет Лиотар, — уже сполна оплатили ностальгию по целому, примирение концептуального и чувственного, тоску по понятному и поддающемуся описанию. В фантастической мечте постичь реальность целиком, в соответствии с общими требованиями достичь единства или умиротворения в согласии мы чувствуем ворчливое желание вернуться к террору. Наш ответ таков: объявим войну тотальности”. Неприятие общих теорий, особенно связанных с осмыслением путей радикальных социальных преобразований, приводит Лиотара в лагерь сторонников “конца идеологии”, также ассоциирующих великие теории социального преобразования, например, марксизм, с бесчисленными катастрофами XX столетия.

Вместо макротеоретизирования, разработки общих социальных концепций Лиотар предлагает заняться “языковыми играми”, поскольку считает адекватными ситуации постмодерна локальные, гетерогенные микроанализы, осуществляемые на основе “маленьких теорий”. “Языковые игры” для Лиотара — это модели борьбы и конфликтов социальной жизни постмодерна. Он пишет: “Первый принцип, из которого исходит наш метод в целом, заключается в том, что разговорный диалог — это уже соревнование (в игровом понимании) и речевые акты относятся к сфере общего соревнования”. В постмодернистском обществе индивиды являются соперниками в разнообразных “языковых играх” и могут достичь взаимопонимания на почве присущих только этим играм правил. Лиотар убеждает, что общих для всех “речевых игр” правил быть не может. Более того, любые попытки установить их — вредны, поскольку стремление выработать общеобязательные правила и нормы (а именно этого требуют общие теоретические построения как в философии, так и в социологии) таят опасность политического насилия и террора.

Авторы концепций постмодерности и “постиндустриализма” согласились в том, что общество — это прежде всего технологии. Но если теоретики постиндустриального общества (Д.Белл, например) признают информацию и знания новыми “осями”, или организующими причинами общества, то теоретики постмодерности эту роль отводят компьютеризации (Лиотар) или же средствам массовой коммуникации (Бодрийяр). Постмодернистское общество конструируется, по Бодрийяру, например, с помощью кодирования знаний, различного рода

моделей и имиджей, распространяемых средствами массовой информации. Отсюда гиперреальность общества, невозможность разграничить модели и реальные явления, иллюзии и реальность. Бодрийяр приходит к выводу, что “телевидение и информация символизируют катастрофу в формальном, топологическом смысле — качественно радикальное изменение всей социальной системы”.

Таким образом, технологический детерминизм присущ и теоретикам постиндустриального общества, и постмодернистам. Вместе с тем, постмодернизм можно рассматривать и как некоторый шаг вперед по сравнению с теориями постиндустриального общества. Это в первую очередь касается более обстоятельного определения роли культуры в формировании современного общества. Кроме того, постмодернистская теория отличается акцентированием внимания на существующих в обществе противоречиях и плюрализме, что также ценно для развития социальной теории. В более широком значении можно утверждать, что постмодернистская теория выступает против распространенного “культурного империализма”, когда одна теория возводится в ранг единственно верной, когда политические и культурные ценности одних группировок или прослоек навязываются остальному обществу.

Внимания заслуживает и отстаиваемый постмодернистами плюрализм в сфере теории и политики. В ряде случаев отказ представителей постмодернизма отдать предпочтение какому-либо одному дискурсу или концепции направлен против догматизма и редукционизма, довольно распространенных в современной социальной теории. Точно также отстаивание плюрализма крайне необходимо для современных политических процессов, развитие которых требует защиты множественности подходов к разрешению актуальных проблем. К сожалению, расхождения в сфере социальной теории фетишизируются, некритически одобряются и прославляются узкогрупповые политические интересы, препятствующие согласию в обществе и утверждению в нем универсальных демократических ценностей.

Постмодернистская социальная теория акцентирует внимание только на тенденциях фрагментации и дезорганизации общества, пренебрегая при этом противоположными процессами, наблюдающимися в общественной жизни. Нетрудно заметить, например, что наряду с растущей дифференциацией товарного производства и фрагментацией капиталистического рынка мы являемся также свидетелями усиления экономической интеграции и расширения мировой рыночной системы. Более того, одновременно с процессами культурной дифференциации и автономизации происходит гомогенизация культурной среды, стандартизация вкусов, потребностей и поступков людей под влиянием средств массовой информации. Интегративные процессы наблюдаются и в области социальной теории. Осмысление общественной жизни, тенденций ее развития требуют теоретических обобщений, достижения единства научного категориального аппарата, универсальности мышления. Их не заменить размышлениями об особенностях “языковых игр”.

§ 5. Поиски путей интеграции социологического знания

В последнее десятилетие в западной социологии, особенно в американской, наблюдается тенденция к интегрированию социологического знания, синтезу различных парадигм и теорий, к формированию на их основе единой социологической теории. Такая потребность обусловлена, в частности, определенной бесплодностью постичь общие процессы общественной жизни с помощью многочисленных теорий и теориек, которые, по словам Дж.Гернера, “теоретизируют на какую угодно тему, приходящую кому-нибудь в голову”.

Поиски интегративного подхода в современной социологической теории ведутся в нескольких направлениях. Наиболее заметны тут с начала 80-х годов

попытки синтезировать микро- и макросоциологические теории. Эти поиски, по мнению социологов-теоретиков, обещают стать важной сферой развития социологии. Стремление интегрировать микро- и макроуровни анализа социальной реальности представлены теорией “структуризации” Э.Гидденса, где внимание сосредоточивается на структурных свойствах социальных систем как предпосылке и результатах человеческой деятельности; теорией “интеграции свободы и принуждения в процессе социального действия и социального порядка” Дж.Александера; теорией “интеграции микро- и макроуровней в объективной и субъективной формах” Дж.Ритцера; теорией “интеграции теории действия и теории систем” Ю.Хабермаса; теорией “интегрированного подхода к социальному действию с системным поведением” Дж.Коулмена и др.

Но несмотря на многочисленные попытки интегрирования микро- и макро-теорий, среди социологов сохраняются расхождения, во-первых, в определении сути содержания микро- и макроявлений, и, во-вторых, в разрешении вопроса о том, чему, микро- или макроуровню анализа отдавать предпочтение при их интеграции. Большинство социологов отождествляют микроуровень социального бытия с эмпирической реальностью повседневной жизни индивида, а макроуровень — с обществом в целом. К явлениям микроуровня относятся феномены психологического содержания, индивиды и образцы их взаимодействия. К явлениям макроуровня относят социальный статус индивида, отдельные социальные группы, структурные компоненты общества и мировые системы. Наряду с этим очень популярна концепция, отстаивающая точку зрения, согласно которой понятия микро- и макро- вообще не имеют физических референтов в эмпирической реальности; эти понятия являются преимущественно аналитическими концептами. Наиболее влиятельным сторонником этой точки зрения является Дж.Александр и неопарсонсианцы. Александр, в частности, доказывает, что для микро- и макроявлений как таковых не существует эмпирических референтов. Микро- и макро- — это аналитические, полностью релятивные конструкты. То, что является “макро” на одном уровне, будет “микро” на другом.

Обосновывая идею необходимости интеграции микро- и макроанализов, представители разных социологических школ делают ударение на преимущественном значении либо микро-, либо макроуровней, то есть отдают предпочтение той или иной крайности (микро- или макроэкстремизму). Типичным примером преувеличения значения микроуровня при интеграции социологического знания выступает подход Р.Коллинза, который вопреки своим заявлениям о склонности к идее объединения микро- и макроявлений, не усматривает в макроструктурах ничего, кроме повторения взаимодействия. Такой подход Коллинз называет “радикальной микросоциологией” и на этом основании стремится показать, что все “макроявления” можно представить в виде “комбинации микрособытий”. Он, в частности, утверждает, что макроструктура содержит только большое количество микровзаимодействий, повторяющихся (иногда изменяющихся) во времени и пространстве.

Примером иного подхода, а именно преувеличения значения макроуровня при интеграции социологического знания, служат теоретизирования Дж.Александера, получившие название “многомерной социологии”, с помощью которой он пытается сформулировать “новую теоретическую логику для социологов”. По мнению Александера, желание при теоретическом синтезировании отдать предпочтение микроуровню является “теоретической ошибкой”. Поэтому он отрицательно относится к теориям (например, символического интеракционизма), обобщающим исследования феноменов сознательной деятельности на микроуровне и экстраполирующим такие обобщения на макроуровень. Подобные теории хотя и сохраняют понятия индивидуальной свободы и волюнтаризма, не в состоянии предложить вероятностную интерпретацию уникального характера коллективных феноменов. Не согласен Александр и с “материалистическими макротеориями”

(например, экономического и структурного детерминизма), которые отстаивают идею принудительного порядка и исключают свободу индивида.

Новая теоретическая модель Дж.Александера основана на проблеме порядка, имеющего индивидуальный (микро) и коллективный (макро) уровни, а также проблемные действия, охватывающие материальный (объективный) и идеальный (субъективный) уровни. Именно исходя из этих двух континуумов, Александер разрабатывает четыре основных уровня анализа, сосредоточенных на следующих противоположностях: коллективное — индивидуальное, коллективное — материальное, индивидуальное — идеальное, индивидуальное — материальное. Тем не менее Александер, как раз потому что отстаивает проблему порядка, отдает предпочтение “коллективистской, нормативной” макропозиции: “Надежда объединить коллективный порядок и индивидуальный выбор лежит скорее на путях нормативной, нежели рационалистической теории”.

Главный вывод Александера таков: “Общая структура для социальной теории может быть выведена только из коллективистской перспективы”. Он утверждает, что социальные теоретики должны выбрать либо коллективистскую, либо индивидуалистскую перспективу. Если они придерживаются первой (коллективистской) перспективы, то у них есть некоторая возможность присоединить “относительно небольшой” элемент “индивидуального согласия”. Если же они выбирают индивидуалистскую перспективу, то обрекают себя на необходимость включать в свои теории сверхиндивидуальные феномены. Эта дилемма может быть разрешена только вследствие отказа от формальной склонности к индивидуализму, то есть отказа от теоретического учета особенностей процессов на микроуровне социума.

Существует также возможность преодоления микро- и макроэкстремизма со стороны тех исследователей проблемы интеграции социологической теории, которые не желают отдавать преимущество определенному уровню. Речь идет о том, чтобы приступить к анализу не с микро- и не с макроуровня, а где-то посередине социального континуума, то есть с того, что называют “мезоуровнем” (средним) при исследовании формальных организаций и договорного порядка. Но при всей привлекательности мезоуровневого подхода к микро- и макроинтеграции ему еще предстоит продемонстрировать способность синтезировать социологические знания.

Концентрация внимания исключительно на одном уровне анализа (будь то микро, макро, или мезо) не приносит положительных результатов. Неотложной потребностью становится переход к принципиально новым интегративным процедурам описания и объяснения. Именно этот путь в своих последних исследованиях выбирает Дж.Александер, описывая микро- и макроявления общими для обоих этих уровней понятиями. Свидетельством этого может послужить такая его мысль: “Коллективные обстоятельства действия одновременно и стимулируют, и ограничивают это действие. Если я правильно концептуализировал действие, то обстоятельства можно расценивать как продукт этого действия; если мне удастся правильно концептуализировать обстоятельства, то действие можно будет рассматривать как результат этих обстоятельств”.

Более-менее сбалансированный подход к микро- и макроуровням предлагает и Р.Коллинз. Он пишет: “Микро- и макроперемещения доказывают, что любое макро состоит из микро и наоборот, всякое микро является составной частью макро; оно существует в пределах макроконтекста... Микро- и макроинтеграцию можно успешно осуществлять в обоих направлениях”.

Однако наиболее обоснованным подходом к проблеме представляется “теория структуризации” Э.Гидденса. Он считает, что выделение микро- и макроуровней приносит мало пользы, а наилучшим примером “интегрированной парадигмы” остаются труды К.Маркса. Именно с таких позиций Гидденс критикует крайности макротейорий типа структурного функционализма за чрезмерное акцентирование

на “социальных объектах” и крайности микротеорий типа символического интеракционизма за преувеличение ими роли “социальных субъектов”, противопоставляет им свою перспективу — “теорию структуризации”.

Гидденс формулирует ее в интегрированных терминах. Согласно теории структуризации, в социальных науках главным объектом исследования выступает не опыт отдельного деятеля, не наличие какой-либо формы социальной тотальности, а социальная практика, разворачивающаяся во времени и пространстве. Структуризация построена на идее, в соответствии с которой агенты и структуры не являются двумя независимыми заданными наборами явлений, они представляют собой двойственность (дуальность). Другими словами, агент учитывает структуру, а структура свойственна агенту. Что касается структурных свойств социальных систем, то они в равной степени являются и способом, и результатом практики. То есть, структура не является внешней по отношению к деятелю, она существует и в глубинах памяти, и в социальной практике. Гидденс отказывается рассматривать структуру как только принуждающую. Наоборот, он трактует ее в одинаковой мере и как принуждающую, и как предоставляющую возможность творить. Правда, уточняет Гидденс, деятели временами теряют контроль над структурными свойствами социальных систем, точно также, как утрачивают чувство времени и пространства. Но такая потеря контроля неизбежна.

Итак, подходы Э.Гидденса и попытки Дж.Александера и Р.Коллинза присоединиться к отстаиваемой им позиции (то есть не дихотомического, а рационально-диалектического подхода) представляются наиболее перспективными с точки зрения преодоления распространенной микро- и макроодносторонности в попытках интегрировать социологические знания. Внимание теоретиков-интеграционистов все более концентрируется вокруг взаимообусловленности микро- и макроявлений, а не на полярностях социального континуума. Огромные возможности открываются благодаря привлечению фактора времени, то есть при попытках рассматривать интеграцию в динамике, а не в статике, в контексте социальных изменений, а не внеисторических структур. Гидденс, Коллинз и другие социологи убеждены, что микро- и макро- — это относительные понятия во времени и пространстве. Разумеется, одновременное оперирование факторами времени и пространства намного усложняет проблему микро- и макроинтеграции. Однако это наиболее перспективный путь к решению такого сложного задания.

Литература

- Александр Дж.* Новые теоретические направления в социологии // Филос. и социол. мысль. — 1992. — № 2, 4.
- Лиотар Ж.-Ф.* Ситуация постмодерна // Филос. и социол. мысль. — 1995. — № 5—6.
- Королько В., Танчер В.* Новые повороты в социологической теории // Социологическая теория сегодня. — К., 1994.
- Танчер В.* В поисках научной социологии // Филос. и социол. мысль. — 1992. — № 1—2.
- Ручка А.А., Танчер В.В.* Очерки истории социологической мысли. — К., 1992.
- Ручка А.О., Танчер В.В.* Курс історії теоретичної соціології. — К., 1995.
- Marcuse H.* One-Dimensional Man. — Boston., 1964.
- Althusser L.* For Marx. — N.Y., 1970.
- Cohen G.* Karl Marx's Theory of History: A Defence. Princeton, 1978.
- Elster J.* Making Sense of Marx. — N.Y., 1985.
- Roemer J.* (Ed.). Analytic Marxism. — N.Y., 1986.
- Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 1; Vol.2. Boston, 1984; 1987.
- Bowles S., Gintis H.* Democracy and Capitalism. — N.Y., 1986.

- Wright E.O.* Classes. — London, 1985.
- Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy. — London, 1985.
- Wood E.M.* The Retreat from Class. — London, 1986.
- Antonio R.* The Decline of the Grand Narrative of Emancipatory Modernity // Frontiers of Social Theory. The New Syntheses / Ritzer G. ed. — N.Y., 1990. *Merquior J.G.* Spider and Bee // Postmodernism. — London, 1986.
- During S.* Postmodernism or Post-Colonialism Today // Textual Practice. — 1987. — № 1. *Calinescu M.* Five Faces of Modernity. — Durham, 1987.
- Toynbee A.* A Study of History. Vols. I–IX. — London, 1934–1954.
- Barracough G.* An Introduction to Contemporary History. — Baltimore, 1964.
- Mills C.W.* The Sociological Imagination. — N.Y., 1959.
- Etzioni A.* The Active Society. — N.Y., 1968.
- Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. — N.Y., 1976.
- Baudrillard J.* The Year 2000 Has Already Happened // Arthur Kroker and Marloise Kroker (eds). Body Invaders: Panic Sex in America. — Montreal, 1988.
- Liotard J-F.* The Postmodern Condition.— Minneapolis, 1984. *Baudrillard J.* The Evil Demon of Images. —Australia, 1984. *Turner J.* Past, Present, and Future of Theory in American Sociology // Frontiers of Social Theory. The New Syntheses / By ed. G.Ritzer. *Alexander J.* Action and Its Environment // Alexander et. al., eds. The Micro-Macro Link. — Berkeley, 1987.
- Alexander J.* Theoretical Logic in Sociology. — Vol.1. Positivism, Presuppositions, and Current Controversies. — Berkeley, 1987.
- Alexander J.* The Individualist Dilemma in Phenomenology and Interactionism // Eisenstadt and Helle / Ed. Macro-Sociological Theory. — Berkeley, 1985.
- Collins R.* The Micro Contribution to Macro Sociology // Sociological Theory. — 1988. — № 6.
- Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. — Berkeley, 1984.